

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

КТО ПРАВ?

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМ 29

Весь Толстой в один клик

Лев Толстой

**Полное собрание сочинений.
Том 29. Произведения
1891–1894 гг. Кто прав?**

«Библиотечный фонд»

1891

Толстой Л. Н.

Полное собрание сочинений. Том 29. Произведения 1891–
1894 гг. Кто прав? / Л. Н. Толстой — «Библиотечный фонд»,
1891 — (Весь Толстой в один клик)

© Толстой Л. Н., 1891
© Библиотечный фонд, 1891

Содержание

Лев Николаевич Толстой	5
Предисловие к электронному изданию	6
НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ, НЕОКОНЧЕННОЕ	7
КТО ПРАВ?	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Лев Николаевич Толстой

Кто прав?

(1891 г.)

Государственное издательство
художественной литературы
Москва – 1954
Электронное издание осуществлено
компаниями [ABBYU](#) и [WEXLER](#)
в рамках краудсорсингового проекта
[«Весь Толстой в один клик»](#)

Организаторы проекта:
[Государственный музей Л. Н. Толстого](#)
[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)
[Компания ABBYU](#)

Подготовлено на основе электронной копии 29-го тома
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной [Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание
90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого
доступно на портале
www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 29-му тому
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать
в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам
report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

*Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»
Фекла Толстая*

Перепечатка разрешается безвозмездно

Л. Н. Толстой в Бегичевке.
Фотография 1892 г.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ, НЕОКОНЧЕННОЕ

КТО ПРАВ?

Аще не будете, как дети, не внидите в царствие божие.

Была половина октября. К земскому начальнику в одном из черноземных уездов заехала по дороге в Петербург, где она обыкновенно проводила зиму, сестра его жены с мужем и дочерью. Они приехали в двенадцать и теперь, в третьем часу, после поданного им не в урочное время чая, ожидая обеда, сидели все порознь, мужья, жены и дети, по отдельным комнатам.

Приезд сестры был не совсем удобен для жены земского начальника только тем, что почти совпал с днем, назначенным земским начальником для псовой охоты в его лесу. Еще с ранней осени важный князь, большой охотник, державший большую охоту в том же уезде и участке, просился в места земского начальника, и нельзя было отказать, и вот нынче, в тот же день, как приехал свояк, приходила охота, и должен был приехать сам князь.

Охота пришла, но князя еще не было, и было неизвестно даже, приедет ли он или нет, и если приедет, то останется ли ночевать, или только проведет вечер.

Мужчины были в кабинете. Хозяин, подвижный, красивый, элегантный сложением и манерами мужчина, с густой шапкой волос, зачесанных кверху, и маленькой бородкой, ходил взволнованно по ковру кабинета из угла в угол и, не бросая папироски, горячо говорил.

Гость-свояк, пухлый, тяжелый человек с расплывающимся в кресле телом, сидел у письменного стола, поглаживая прорезной слоновый нож, и, иронически улыбаясь глазами, возражал сдержанным тоном. Между свояками не было любви, и каждый, говоря про другого, должен был удерживаться, чтобы не говорить всё худое, которое так и просилось на ум. Казалось бы, делить им было нечего, и в сущности оба были совершенно одинакового мира, воспитания и воззрений на мир. Оба были помещики (приезжий, Владимир Иванович Спесивцев, был только более богат, чем земский начальник, Анатолий Дмитриевич Лыжин). Оба служили: приезжий – в Петербурге, в министерстве государственных имуществ, занимая место члена совета, хозяин – земским начальником в голодающей губернии. Оба были либеральны, индифферентны в религиозном отношении, оба считали необходимым соблюдать *decorum*¹ и не выделяться от других. Оба жили внешним образом хорошо с своими женами, оба были отцами семейств: у Владимира Ивановича было два сына – в пажеском корпусе и правоведении – восемнадцати и тринадцати лет, и дочь Вера, шестнадцати лет, которая теперь была вместе с ними за границей и вместе с ними возвращалась; у Анатолия Дмитриевича была старшая дочь пятнадцати лет и три мальчика. Спорить им, казалось, было не о чем, а между тем надо было им делать усилия над собой, чтобы соглашаться, о каком бы предмете ни заговорили.

– Совсем нет. Я признаю в принципе, – говорил Анатолий Дмитриевич, – что выборное начало более обеспечивает общество, но тут вопрос другой, тут вопрос о том в данном случае, имею ли я право отказать, дав возможность крепостнику-негодяю занять это место и сечь мужиков.

– Да какое же это признание выборного начала, когда вы занимаете место, заменившее выборное, и вступаете в него по назначению? – сказал Владимир Иванович.

– Законы пишу не я.

¹ [внешнее приличие]

– Я, признаюсь, не могу допустить, – тихо улыбаясь, отвечал Владимир Иванович, – чтобы... – он хотел сказать: «уважающий себя человек», но замялся, – чтобы человек в наши времена мог толковать о том, например, сечь или не сечь, то есть стегать березовыми лозами по пояснице взрослых людей и отцов семейств. Есть такие дела, которые нужно не брать на себя...

– Нет, должно, – возвышая голос, сказал Анатолий Дмитриевич. Его раздражило и это умолчание, и смысл самой речи, и более всего эта манера Владимира Ивановича спокойно остерить. Когда Владимир Иванович говорил о хлестании березовыми лозами, он открыл уже рот, чтобы сказать неприятное, но, вспомнив, что он хозяин и тот только что приехал, сдержался и, подойдя к столу, напряженно давил в раковине-пепельнице окурки папиросы. – Нет, должно. Не должно белоручничать. Я знаю, что должно, потому что знаю, что делаю это не для себя.

Он вспомнил в это время о жалованье, которое было очень нужно ему, и еще более рассердился и даже вошел в пафос.

– Если бы мы все отступились, то все места заняли бы разные негодяи, и погибло бы всё сделанное в 60-х годах. Нет, Владимир Иванович, не будемте говорить лучше.

– Ну, не будемте, – спокойно улыбаясь, сказал Владимир Иванович, – это покойнее, – и положил ножик. – Какой славный этот лось у вас, – сказал он, указывая на выделанную голову.

– Да, я это убил прошлого года. – И сейчас же вспомнилось Анатолию Дмитриевичу опять неприятное, то, что Владимир Иванович ничего не понимал в охоте и смеялся над ней. В это время вошел лакей и принес конверт из земства. Анатолий Дмитриевич распечатал.

– Позовите Петра Семеновича. Да нет, я сам пойду, – сказал он, подумав о том, как приятно избавиться от tête-à-tête² со свояком. – Извините, Владимир Иванович. – И он вышел.

Владимир Иванович, как только ушел Анатолий Дмитриевич, тотчас же перестал улыбаться глазами. Он, очевидно, делал это, только чтобы дразнить своего свояка, и стал серьезно смотреть перед собой. «А впрочем, что мне за дело? – подумал он. – Не люблю только эту важность и этот пошлый либерализм, шестидесятые годы. Il s'en soucie comme de l'an quarante.³ И куда она могла их деть?» – стал он думать о ящике сигар, которые, он помнил, что он отдал жене, но которых нигде не оказалось. Вспомнил он при этом про жену, как она настояла-таки, чтобы заехать к сестре. «Она решительно стала особенно молодиться после Рима и этого дурацкого Ордини. А препротивно... Что же не зовут к обеду? Пора бы! Едва ли будет хороший обед! Россея!» И, как всегда, ему стало тяжело, как всегда бывало, когда он оставался один с собою. Он поспешно встал и взял книжку со стола. Это был календарь. Он перелистывал и стал читать некролог неизвестного ему генерала.

«Противное существо! – думал Анатолий Дмитриевич, идя по коридору. – То есть не противное. Он ничего, но мне тяжело с ним. Какой-то тон снисходительный, всезнающий. Не могу с ним. Эта самоуверенность. Надеюсь, не надолго. Ну, да бог с ним».

– Анатоль, это ты? – окликнула его жена из двери своей комнаты, мимо которой он проходил. Он остановился. Маленькая миловидная женщина с ямочками и улыбками в глазах и губах и вьющимися вокруг головы волосами высунулась к нему. – Что ты?

Он хотел войти к ней.

– Не входи, Маня раздета.

– Что ты?

– Матреша (это экономка) приготовила им в угловой. А вдруг как князь останется ночевать? Пускай Владимир ляжет в кабинете. Маня со мной. Тогда угловую можно отдать князю.

Анатолий Дмитриевич поморщился.

– Князь не останется ночевать.

² [пребывания с глазу на глаз]

³ [Его это так же интересует, как прошлогодний снег.]

Варя, его жена, знала его отношения к свояку и знала, что поморщился он от мысли, что свояк будет в кабинете.

– Да ведь недолго. Ужасно ты нетерпим.

– Нисколько, я не нетерпим, – с досадой пробурчал Анатолий Дмитриевич. – Вечно твои замечания.

– Отчего же я могу стесниться, а ты на две ночи не можешь уступить своего кабинета?

– Ах, да я не об этом. Я очень рад отдать кабинет. Я только... – и, не сказав, что он только, он пошел к секретарю.

В это время Матреша с двумя подсвечниками и чистым бельем, сопутствуемая мальчиком, несшим лохань и рукомойник, вышла из двери. Варвара Николаевна, стоявшая в дверях, остановила ее.

– Матреша! мы передумали. Не в угловой, а Марья Николаевна будет со мной рядом. А князю в угловой. Вы уже постелили?

– У меня всё готово. Вы бы прежде сказали, – проворчала Матреша.

– Так пожалуйста. – И Варвара Николаевна ушла в дверь.

Матреша остановилась и долго стояла, Васька тоже стоял сзади.

– Куда ж нести, Матрена Петровна? – спросил он.

– В омут. Тьфу! – сказала Матрена Петровна и, повернувшись, топая, пошла назад по коридору, соображая, как всё перекладывать и перестилать.

Маня, то есть приезжая Марья Николаевна, жена Владимира Ивановича, сидела в белой кофте, обшитой кружевами, перед зеркалом туалета сестры и расчесывала свои длинные еще, хотя и жидкие волосы.

– Так я и прошу его об одном, – продолжала она начатый разговор с младшей сестрой, – чтобы он сам вел хозяйство, если он находит, что я много расходую. Ведь это невозможно.

Варвара Николаевна ничего не сказала, но подумала, что Владимир прав, потому что она знала непрактичность и способность увлекаться своей сестры.

– Так ты и отдай ему.

– Ах! Это невозможно. Мы пробовали. Начинается такая мелочность, такое *économie de bouts de chandelles*...⁴ и потом ни мне, ни Вере, – Вера была ее шестнадцатилетняя дочь, – невозможно за каждой мелочью ходить к нему.

– А Вера est dépensière?⁵

– Нет, не очень. Но, как все девочки, не знает цены деньгам. Просила лошадь верховую, потому что у Лили есть. А в Ницце держать лошадь, ты знаешь, что это стоит, *gruma, ça coûte les yeux de la tête*.⁶

– А что, Лили всё не выходит замуж? – спросила Варвара Николаевна, – и Марья Николаевна, не замечая того, что они говорили о совсем другом, тотчас же начала рассказывать про Лили, про ее кокетство и про то, отчего она не выходит замуж. При этом Варвара Николаевна рассказала про себя, про то, что Марья Николаевна давно знала, что она совсем не хотела выходить замуж и что теперь часто говорит это Анатолю. На что Марья Николаевна заметила, что они все ужасно глупы и непоследовательны, и хотела рассказать о случае непоследовательности, но Варвара Николаевна привела свои более сильные примеры непоследовательности своего мужа.

– Да, это они все, – сказала Марья Николаевна, отыскивая рукой черепаховую шпильку. Варвара Николаевна подала ей ее и спросила, так ли всё носят волосы. Вследствие чего разговор перешел на прически.

⁴ [мелочная экономия...]

⁵ [мотовка?]

⁶ [Непереводимое выражение, смысл которого: это стоит чересчур дорого.]

«Ужасно frivole»,⁷ – думала Варвара Николаевна, когда Марья Николаевна сняла кофту и стала надевать на туго стянутый корсет слишком, по мнению Варвары Николаевны, нарядное платье *vert bouteille*⁸ с бархатной отделкой. «Как она молодится! – думала Варвара Николаевна, – а она на три года старше меня». Марья Николаевна видела, что Варя замечает и не одобряет ее туалета, и сама о ней подумала, что она слишком опустилась. «Эта кофточка бумажная и не свежая. А муж ее молод». И эта филиация мыслей привела ее к тому, чтобы спросить ее о нем.

– Ну, а как Анатолий, не тяготится деревенской жизнью?

– Нет, но только этот год нынешний такая бездна дел, от этого голода. Я почти не вижу его. Это теперь особенное счастье, что вы застали его.

– Ну, а что же, правда голод? За границей пишут ужасы, коллекты делают. Мне кажется, что преувеличено.

– Спроси у Анатолия. Он говорит, что нет. Да, я вижу, иногда приходят люди. – И Варвара Николаевна вспомнила об оборванной женщине с сумой, в разбитых лаптях, которая нынче утром встретила ее у людской, и это воспоминание навело ее на обувь. – Я думаю, ты привезла кучу ботинок и туфель. Заграничные так хороши. Я позволяю себе эту роскошь.

– Да, я привезла много. Хочешь, я тебе уступлю? Тебе ведь в пору мои?

– Не совсем – широки, – сказала Варвара Николаевна, никогда не пропуская без возражения попытки Марьи Николаевны утверждать, что у них ровные ноги. – Не в пору, но носить могу. Что же, вещи приехали?

– Вероятно, я спрошу. Да ведь ты готова?

– Пойдем. Скоро обедать. Я думаю, ты голодна?

–

Так беседовали старшие. Между тем в комнате рядом с детской, отведенной для Веры, шли свои разговоры между свидетелями двоюродными. Вера, стройная, румяная, с блестящими глазами и зубами и такими же, как у тетки, вьющимися волосами, в модном, но простом платье, сидела на диване, окруженная всеми четырьмя старшими Лыжиными, и вела беседу с самой старшей девочкой, кузиной, пятнадцатилетней Сашей, которая сидела рядом с ней и не спускала с нее влюбленных глаз и не обнимала ее, очевидно только потому, что Вере это могло не понравиться.

В таком же точно положении находился и второй – одиннадцатилетний черноглазый, поэтического вида мальчик Миша, и в еще более ошалевшем от влюбленности состоянии находился третий – толстый белокурый ширококорый бутуз Вася, с блестящими узкими серыми глазками, ни на минуту не спускавшимися с лица и рта говорившей кузины. Только пятилетний Анатолий Анатолиевич, сидевший у Веры на коленях, очевидно не был восхищен так же, как остальные. Он был совершенно равнодушен и не понимал, из чего они так волновались. Ну, кузина, ну, Вера, ну, держит на коленях, ну, колени такие же, как у няни. Платье на груди атласное и часы. Это хорошо. Но все-таки ничего особенного и, главное, ничего этого есть нельзя, а уже пора.

Атмосфера обожания, в которой она себя чувствовала, возбуждала Веру. Она и была из тех, которые особенно чутки и легко возбуждаются восхищением людей, да и избалована она была этим и любила это, и теперь ей было очень хорошо. Она видела, что ей восхищаются. И от этого она всей душой любила теперь этих милых детей. А дети чувствовали, что она любила их, и от этого еще больше восхищались и т. д. Круг был замкнут, и любовного электричества набиралось всё больше и больше.

⁷ [легкомысленно,]

⁸ [бутылочного цвета]

Вера рассказывала им про то, как в Италии она один раз отняла собаку у мальчиков, которые мучали ее.

– Как же они, перестали? – спросил неожиданно Вася, широкорожий белокурый бутуз.

Вера оглянулась на него, и все оглянулись на него, и бутуз начал краснеть, краснеть. Казалось, нельзя было больше покраснеть, но кровь еще и еще прилиwała, и сырость начинала выступать у него на лбу и в глазах. Он сидел не шевелясь, только вжимая шею в плечи, очевидно чувствуя, что при малейшем движении он погибнет.

– Да, разумеется, Вера сказала, чтобы они перестали, они и перестали, – с несомненным убеждением того, что приказания Веры никто в мире не мог ослушаться, сказал Саша.

Вера поспешила отвести глаза от погибающего от конфуза бутуза и продолжала разговор.

– Ну, барышня, они с вами и время забыли, – сказала няня, входя. – Пожалуйте, Анатолий Анатолич. Мамаша приказали гулять.

Вошла и швейцарка за детьми. Но все дети с досадой отворачивались от швейцарки, держась за Веру, и, чтобы ни на минуту не нарушать близость с нею, только с нею пошли в сад. Швейцарка с упреком и досадой посмотрела на Веру, не только отвлекшую от нее детей, но вызывавшую даже недоброжелательность к ней.

–

В это время в кухне шло сильное волнение и напряженная работа.

– А кто его знал, что они приедут. Мне только нынче сказали, – говорила Матрена Петровна, облокотившись на шкаф и куря папиросу.

– Какое же жаркое будет, коли сейчас убить, сейчас зажарить, – говорил повар в куртке и колпаке, – да и то нет.

– Как нет? Вот эту у бабы возьми, а своих двоих ловят.

– Ну, давай ее сюда, – сказал повар бабе, державшей курицу.

– Вы уж, Матрена Петровна, прибавьте пяточок.

– Ну, давай сюда.

Повар взял курицу и нож и, отхватив ей голову, бросил ее на пол, где она начала прыгать, обливая кирпичи пола кровью.

– Что ж он своих не несет? Евдоким! – крикнул он и вышел из кухни.

Недалеко от кухни, у сиреневого куста, малый, мужик, подходил, расставив руки, к двум курицам, одной белой и другой черной, которые, подрагивая ожерельями, ходили у куста. Кухарка, держа передник, шла с одной стороны.

– Ну чего же вы? – сказал повар, и как только он сказал это, кухарка со всех ног бросилась прямо на черную курицу. Куры поняли, что дело касается их, и пустились бежать. Малый побежал наперерез и чуть было не догнал, но, увидав его, куры прибавили шагу и, миновав его, быстро отделились от кухарки. Они пробежали сквозь сиреневый куст и подбежали к забору. Малый бежал за ними; но куры отделялись всё дальше и дальше. Малый стал отставать, и тогда кухарка сменила его. Уменьшившие было ход куры, увидав кухарку, отчаянно закудахтали и опять побежали шибче, шибче, так что за ними, казалось, не поспевали крепкие серые вытянутые ноги. Кухарка гналась за ними. Они опять обежали сиреневый куст, и опять кухарка остановилась. Она не могла бежать дальше, и, ухватившись за грудь, тяжело дышала. Малый тотчас же сменил ее.

– Не давай ей отдыхать, пуще всего не давай отдыхать! – кричала кухарка. Малый бежал, стуча сапогами.

– Петрович! хоть бы вы подсобили! Петрович! – обратилась кухарка к повару, когда куры опять были подогнаны к забору.

Повар улыбнулся, но в то время, как куры загибали назад у забора, он вдруг кинулся на черную курицу, перехватил ее, загнал в угол забора и, несмотря на отчаянный крик ее и всплеск крыльев, ухватил ее и торжественно поднял.

– Вот как командуют, а вы что без толку гоняете.

Упрек повара подействовал. Кухарка и малый заложились за белой курицей и, сменяясь и не давая ей отдыхать, загнали ее опять в сиреневый куст, и там кухарка, расставив руки, поймала и ее. И эти также были зарезаны. А зарезанная прежде уже шипалась малым на столе.

– Да уж вы возьмите, Матрена Петровна, отпустите, что ль. Баранчик, право, хорош, – говорил длинный мужик в разорванном на плече и подпоясанном обрывком зипуне, который с раннего утра стоял на дворе у телеги, на которой лежал связанный баран.

Матрена Петровна бросила папироску.

– Некогда сказать ей. Всё занята с гостями. Пойду еще скажу.

– Тц. Тц, – пощелкал языком мужик. – Известное дело. Кабы не нужда. Мне б что? А то корову проел! Вот последнюю проем, – говорил мужик, обращаясь к лакею, пришедшему с ведром к водяной бочке.

– А что ж, почем мука?

– Надьсь была шесть гривен.

– Руб шесть гривен.

– Да уж рубль-то мы не говорим. Овцу на пуд сменяешь. А надолго ли. Семь душ.

– Да, беда. А ты откуда?

– Да мы ближние, из Телятинок.

– Так. – Лакею не хотелось итти в дом. – Это у вас, значит, охота собирается?

– Должно, у нас. Вечор по нашей деревне шли, шли, ровно полк. Этих собак, братец ты мой, как стадо. А сам бравый, золото так и горит.

– Это княжеские-то? – спросил лакей.

– А то чьи ж? Яго.

– Сам-то он где?

– Сказывали, в Покровском стал.

– Тоже к нам ожидают, – сказал лакей.

– О-о-о! – сказал мужик полуодобрительно, полуудивленно.

Лакей хотел что-то поговорить, но его кликнули, и он убежал.

Мужик дождался-таки. Барана взяли. Мужик сам зарезал его в сарае, снял с него овчину и, шлепнув ее в ящик телеги, стал дожидаться денег.

В шесть часов из кур были сделаны котлеты, баранина зажарена, и обед готов.

За столом было две четы, Вера, четверо детей, швейцарка и русский учитель, воспитанник духовной академии, живший в доме. Разговор завязался общий – о погоде, о музыке, о тете Насте, об экскурсиях в горы. Все, кроме детей, гувернантки и учителя, участвовали в нем. Центром разговора была Вера. Она очевидно кокетничала и с детьми, и с теткой, и с дядей Анатолием Дмитриевичем, у которого губы морщились в улыбку, когда он, глядя на нее, говорил с ней, и даже с учителем, молчание которого и постоянно устремленные на нее, тоже восхищенные взгляды беспокоили ее. Ей нужно было знать, что и он покорен. И она изредка взглядывала на него, как бы проверяя, тут ли он и пойман ли так же, как другие.

Недовольна ей была только Варвара Николаевна, которая, заметив впечатление, какое она производила на ее мужа, особенно ласково улыбалась ей, чтобы скрыть свое недоброжелательство, и особенно недовольна, до ненависти, была ею швейцарка, которая осудили в ней всё – от серег до произношения.

И действительно, Вера была не совсем натуральна, она сама чувствовала это, но не могла изменить того тона, в который попала, и при том подъеме духа, в котором она находилась. Она рассказывала, например, про свои экскурсии с отцом и о том, как она с ним обходилась, как с ребенком, одевала, кормила его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.